

Доклад на партийном собрании исторического факультета МГУ (1985 г.)

«О повышении качества и эффективности научных исследований на историческом факультете в свете решений апрельского Пленума ЦК КПСС 1985 года». Июнь, 1985 г.¹

Товарищи! Развивая решения XXVI съезда нашей партии и последующих пленумов и решений Центрального Комитета, и прежде всего декабрьского (1983 года) Пленума ЦК КПСС, апрельский Пленум четко поставил перед партией и всем советским народом принципиально новую задачу — добиться в кратчайшее время качественного сдвига в развитии всех основных сфер общественной жизни. М.С. Горбачев, выступая на Пленуме, говорил: жизнь, ее динамизм диктуют необходимость дальнейших изменений и преобразований, достижения нового, качественного состояния общества, причем в самом широком смысле. Успех движения советского общества вперед определяется развитием социалистической экономики, поэтому стоящие здесь задачи находятся в центре внимания нашей партии. Но успешное решение экономических задач невозможно без совершенствования других сфер общественной жизни. Отличительная черта прошедшего Пленума, как вы все обратили на это внимание, состоит в том, что Пленум не просто поставил задачи, а определил и ведет творческий поиск: ведется тщательная разработка конкретных путей и методов решения этих задач, проявляется последовательность и настойчивость в их практической реализации. М.С. Горбачев говорил на Пленуме, касаясь вопросов о проблемах нашей экономики: главный вопрос сейчас в том, как и за счет чего страна может добиться ускорения экономического развития. Основа поиска и определение путей — это объективный и глубокий анализ реального исполнения дел, взвешанная оценка имеющихся достижений и недостатков, выявление неиспользованных резервов. Поучительным примером такого анализа являются выступления и беседы М.С. Горбачева. Пленум подчеркнул, что для достижения поставленных задач настоятельно необходимо всемерно развивать инициативу, повышать организованность и эффективность во всех сферах общественной жизни, на всех ее уровнях — от рабочего до министра, а, если говорить о нашей с вами сфере, — об области вузовского образования, — то от студента и до президента Академии наук.

В мою задачу не входит анализ состояния советской исторической науки вообще и детальный разбор положения дел на нашем факультете. Это дело коллективных усилий. Я коснулся этих вопросов лишь в самом общем плане. Я хотел бы обратить внимание на некоторые пути повышения качества и эффективности историчес-

ких исследований, поделиться соображениями о том, за счет чего можно у нас сейчас в ближайшей перспективе повысить качество и эффективность наших исследований. Естественно, ничего нового и неожиданного я не собираюсь сказать, но представляется целесообразным еще раз напомнить о тех проблемах, о которых мы уже неоднократно говорили. Одна оговорка. В нашей партийной организации довольно много студентов. Речь идет о повышении качества и эффективности научных исследований и может показаться, что это касается лишь наших преподавателей и научных сотрудников. Но это не так. В такой же степени, а может и в еще большей степени, оно касается наших студентов, ибо будущее нашей науки — это наши студенты. Те, кто находится в студенческих аудиториях, через 15—20 лет будут стоять во главе нашей науки.

Если говорить об общем состоянии советской исторической науки, то всем вам хорошо известно, что в послевоенный период, и особенно в последние 10—15 лет, она добилась больших успехов. В это время в трудах советских историков нашла конкретно-историческое воплощение марксистско-ленинская концепция хода исторического развития как нашей страны, так и зарубежных стран. В сущности сейчас нет сколько-нибудь крупных явлений и событий прошлого, которые не получили бы конкретно-исторического анализа в трудах советских историков. Историческая наука занимает важное место в решении научно-познавательных и практически-прикладных, прежде всего, мировоззренческо-воспитательных задач, стоящих перед советским обществом. Марксистская историография оказывает существенное воздействие на развитие мировой исторической науки, играет важную роль в той идеино-политической борьбе, которая идет между двумя общественно-экономическими системами.

Весомый вклад в развитие советской исторической науки вносит и коллектив нашего факультета. Я не буду приводить много данных, назову лишь результаты научных исследований на нашем факультете за 1984 год. Они весьма впечатляющи. В прошлом году у нас на факультете вышло 9 учебников и учебных пособий, 26 монографий, 3 тома тематических сборников статей и 348 статей. Все это общим объемом в 970 п. л., что составляет в расчете на доктора и кандидата наук 6 п. л. в год. Как известно, 6 п. л. в год — норма научной продукции для старшего научного сотрудника в академических институтах. И это при том условии, что практически основной работой для нас является работа преподавательская. В том же 1983—1984 учебном году коллектив нашего факультета выполнил учебную нагрузку равную 160 тыс. учебных часов, что составляет в расчете на каждого преподавателя 800 часов в год, а с учетом и наших научных сотрудников — 600 часов в год. Что это такое каждый из здесь присутствующих понимает.

Мы сильны, как говорится, не только количеством. Надо сказать, что и в качественном отношении наша продукция находится

на достаточно высоком уровне. По ряду направлений научных исследований факультет занимает ведущее место у нас в стране. Есть такие направления в научных исследованиях, где, в сущности, ту работу, которую выполняет исторический факультет, никто не может заменить. Я имею в виду прежде всего подготовку учебников и учебных пособий, по которым учатся студенты-историки всей нашей страны. Можно отметить и ряд других конкретных направлений исторических исследований, где наши историки внесли весьма существенный вклад. Я не буду этого делать. В этом сейчас нет необходимости.

В общем, у нас сделано и делается очень много. Однако успехи в развитии советской исторической науки в целом и у нас на факультете не означают, что в ее развитии нет слабых мест и недостатков, которые мешают успешному выполнению исторической наукой своих общественных, социальных функций. Недостатки есть, и сейчас особенно остро стоит задача повышения качества и эффективности исторических исследований, увеличения их вклада в развитие нашего общества. Можно отметить ряд таких слабых мест, которые надо устраниć, и наметить ряд направлений, идя по которым, можно уже сейчас заметно повысить качество и эффективность наших работ.

Говоря о таких направлениях и недостатках, устранение которых поможет нам повысить качество и эффективность наших исследований, прежде всего надо сказать о том, что практическая значимость, эффективность исторических исследований может и должна быть повышена за счет актуализации проблематики исторических исследований. При несомненной необходимости всестороннего изучения исторического прошлого, при гармоничном развитии всех областей и направлений исторической науки следует прежде всего уделить внимание разработке проблем, важных для понимания современности и перспектив общественного развития. Такие приоритетные проблемы есть во всех областях исторического знания. И наша задача состоит в том, чтобы определить эти приоритетные направления и сосредоточить внимание на их первостепенной разработке. Но это задача наших специалистов, наших кафедр, которые должны такую работу проделать.

Если говорить об исторической науке в целом, то сейчас наряду с изучением объективных закономерностей исторического развития, что было, есть и будет одной из основных задач исторической науки, необходимо больше внимания уделить раскрытию роли в общественном развитии того, что мы сейчас называем «человеческим фактором» или что иначе историки называют «субъективным фактором» в историческом развитии. Надо глубоко и конкретно раскрыть соотношение в ходе исторического развития объективного и субъективного, массового и индивидуального, стихийного и сознательного. Такая актуализация проблематики наших исследований, безусловно, повысит их эффективность, повысит наш вклад в развитие советской науки и культуры.

Для анализа явлений современности и прогнозирования результатов тех или иных планируемых мероприятий важное значение может иметь анализ таких ситуаций в прошлом, когда те или иные устремления и действия давали не ожидаемый, а иной результат. В общем надо на историческом материале раскрывать закономерности и механизм, определяющий объективные результаты тех или иных субъективных общественных устремлений и действий. Это очень важно для решения современных проблем регулирования, управления, планирования и прогнозирования. И вообще историки должны более активно включаться в разработку проблем, связанных с прогнозированием хода общественного развития. Это чрезвычайно сложные проблемы и, как показывают итоги этого прогнозирования, все более настоятельно обнаруживается необходимость все более широкого исторического подхода к их решению. Приведу один пример: в начале 70-х годов экономистами и вообще специалистами-марксистами было построено несколько сот моделей, которые прогнозировали ход экономического развития передовых капиталистических стран в 70-е годы. Но ни одна из этих моделей даже намеком не предсказала того кризиса, который разразился в 1974 году. Теперь анализируют причины неудач такого прогнозирования и приходят к выводу, что одной из основных причин был узкий исторический подход к анализу состояния и тенденций развития капиталистической экономики. Учитывались главным образом тенденции развития этой экономики в послевоенный период. Кое-кто всерьез полагал, что те тенденции экономического развития, которые присущи так называемому классическому капитализму «изжили себя». Это пример того, когда прогноз оказался несостоятельным в силу ограниченного исторического подхода. Можно привести много других примеров неудачных прогнозов потому, что они не были основаны на фундаментальном историческом анализе, на широком историческом подходе. Поэтому мы должны активно разрабатывать такие проблемы и доводить их до такого уровня, когда бы их результаты имели научно-методическое, конкретно-научное, практическо-прикладное и мировоззренческое значение, т. е. чтобы они были фундаментальными и тем самым содействовали решению проблем современности, накоплению исторических знаний высокого уровня и дальнейшему успешному развитию исторического познания.

Эффективность исторических исследований на данном этапе развития исторической науки во многом снижается в результате господства в исторической науке знаний, основанных на дифференциированном, углубленном изучении сравнительно локальных явлений и процессов, и в замедленном внедрении в историческую науку интегральных, широких и глубоких, комплексных по своему характеру исследований. Наука всегда в своем развитии имела две тенденции — тенденцию к дифференциации и тенденцию к интеграции. Эти тенденции естественны. На любом этапе развития науки одна из этих тенденций выступает на первый план. Развитие

нашей исторической науки в несколько послевоенных десятилетий характеризовалось интенсивным процессом дифференциации, разворачиванием специализированных, углубленных исследований, вовлечением в научный оборот исторических источников. В результате такого углубленного исследования мы, действительно, конкретно-исторически изучили и создали конкретно-историческую марксистско-ленинскую концепцию хода исторического развития. Без такой дифференциации мы бы не сделали этого. Но сейчас дифференциация дошла до такого уровня, что она превращается в тормоз развития исторической науки. Об этом, вы, наверное, знаете, говорят такие факты: по сведениям Всесоюзной книжной палаты сейчас у нас в стране только на русском языке в год выходит по истории, археологии и этнографии от 15 до 20 тыс. работ, т. е. это такой громадный массив научной литературы, с которым невозможно совладать. Каждая из этих работ в отдельности представляет ценность, но эти работы, опять-таки, применяя современную терминологию, в общем-то имеют низкую «потребительную стоимость». Они ценные только для небольшого круга исследователей. Если вы обратили внимание, на днях в «Правде» была помещена статья академика Петрянова-Соколова, который является главным редактором научно-популярной литературы Академии наук. Касаясь таких работ, он ставит вопрос о том, что они вообще не должны издаваться, что такие работы, будь-то статьи или монографии, должны поступать в блоки ЭВМ, в соответствующие банки, откуда нужные сведения будут получать исследователи, а что в печать должны выходить только завершенные широкие исследования, которые будут излагать фундаментальные итоги и определять пути дальнейшего исследования соответствующих проблем. Во всяком случае, такая проблема стоит. Назрела острые необходимость расширения комплексных, интегральных исследований, результаты которых были бы более широкими, имели бы более широкую потребительскую стоимость и были бы доступны широкому кругу исследователей и читателей вообще. Но, товарищи, ситуация такова, что, если дифференциация в науке идет естественным путем, она не требует каких-то побудительных мер, то интеграция в науке требует организации, потому что интеграция это коллективные усилия, это — планирование, координация, которые не складываются стихийно, все это надо организовывать. Интеграция тормозится тем, что многие дифференцированно глубокие исследования, будучи, как я уже сказал, цennymi самi по себе, не поддаются сведению и обобщению потому, что сколько голов, столько замыслов, столько методик, и все это в конечном счете трудно свести воедино. Поэтому нужны определенные усилия для того, чтобы мы преодолели этот минус, снижающий эффективность наших исторических исследований. Надо всемерно поднимать уровень координации научных исследований, а также развивать коллективные формы монографических исследований, что позволит решать более широкие задачи, ибо коллективная мо-

нография — это форма научного исследования на современном этапе, которая позволяет сочетать разработку широких и актуальных проблем и разделение труда, т. е. узкую специализацию в их исполнении. Исторический факультет, кстати говоря, имеет большой опыт таких коллективных работ. Это — прежде всего наша работа над учебниками и учебными пособиями. У нас есть и опыт работы над коллективными монографиями. Надо обобщить, распространить такой опыт и в наших научных исследованиях шире внедрять коллективные, комплексные исследования в форме коллективных монографий или тематических сборников статей и т. д.

В этой связи хотелось бы сказать еще об одном моменте. Мы располагаем ценнейшим переменным капиталом, который не всегда достаточно эффективно используем. Я имею в виду нашу аспирантуру. Наша аспирантура, ну что греха таить, не редко строится по принципу: «мы воспроизводим сами себя», а между тем, аспирантура — это громадная сила. Аспиранты как раз те исследователи, которые могут и должны быть включены в выполнение коллективных исследовательских работ. И такой опыт у нас есть. Сослалась на один пример. Несколько лет назад кафедры источниковедения и истории СССР советского периода подготовили двухтомную коллективную монографию по массовым источникам социально-экономической истории России периода капитализма и советского периода². Такая монография стала возможной только благодаря тому, что в ней были актуализированы результаты 18 кандидатских диссертаций. Если бы этих диссертаций не было и если бы такое количество аспирантов не было направлено в этом направлении, монография бы никогда не появилась. Есть и другие примеры таких коллективных исследований у нас самих, преподавателей и научных сотрудников, и, я думаю, что здесь мы можем значительно шире использовать и исследовательские усилия наших аспирантов, наших лучших студентов.

Следующий момент связан вот с каким чрезвычайно важным вопросом. Качество и эффективность исторических исследований часто снижается из-за того, что многие из них, особенно выполненные в узком специализированном плане, характеризуются низким уровнем теоретико-методологического анализа конкретно-исторических данных. Это выражается в невнимательном отношении авторов к понятийно-категориальному аппарату, в низком уровне того, что в методологии научного сознания называют «категориальным синтезом». Суть этого синтеза состоит в том, что мы всегда, хотим мы этого или нет, осознаем мы это или нет, раскрываем сущность выявленных нами конкретных фактов путем подведения этих фактов и этих конкретных понятий под более широкие понятия, более широкие категории. Другого пути раскрытия сущности изучаемых явлений и процессов наука пока не выдвинула. И все мы независимо от того, сознаем ли мы это или нет, это делаем. Но, понятно, что категориальный синтез, теоретико-методологический анализ будет эффективным тогда, когда мы будем это де-

лать со знанием дела, а не стихийно. К сожалению, у нас иногда теоретико-методологический анализ проходит стихийно. Я имею в виду советскую историческую науку в целом. Что же касается историков исторического факультета, я об этом скажу особо. Стихийно, бессознательно выбираем соответствующие теории и категории. Многие ограничиваются просто эмпирическим уровнем, когда главное усматривают в факте. Да, конечно, факты — это хлеб науки, без фактов нет науки. Но еще Белинский говорил, что факты без идеи — это мусор для головы, а идея — это ядро всякого теоретического анализа.

Чтобы прояснить, до чего доходит дело, позволю себе задержать ваше внимание на пару минут и привести несколько примеров. Один свежий пример — последняя статья, которую я прочел у нас в журнале «История СССР». Автор из Казахстана прислал статью, которая посвящена проблеме изменения численности казахского населения в городах Казахстана от 1920 до 1926 года. Автор получил такие факты — к 1926 году, сравнительно с 1920-м, численность казахов в городах Казахстана выросла вдвое (она не выросла в действительности, но это не важно). Как он объясняет этот факт? В чем он видит его смысл? Это свидетельствует о правильной национальной ленинской политике? Автор был в Москве. Я у него спрашиваю: «Но ведь вы же хорошо знаете, что в период индустриализации, в довоенный период дело пошло таким образом, что не только в городах, но даже в Казахстане в целом доля казахского населения сократилась. Так, что, — я говорю, — это нарушение ленинской национальной политики?» Автор говорит: «А вы знаете, я об этом не подумал». Вот вам уровень анализа, автор даже «не подумал». Он обобщил, не смущаясь, факты и даже «не подумал», а как же вписывается этот научный вывод вообще в последующие. Вот вам пример такого, если хотите, низкого уровня теоретико-методологического анализа конкретно-исторических фактов.

Можно привести еще много примеров. Я приведу еще один, несмотря на то, что я привожу его студентам на лекциях. Это пример субъективного раскрытия содержания определенных явлений и тех понятий, в которых они выражаются, которые исходят из стремления «подогнать» понятие под определенную концепцию. Все мы хорошо знаем, что крестьянское движение в эпоху феодализма было стихийным. Так вот, что такое «стихийность»? Одни говорят, что стихийность — это «отсутствие сознательности», прежде всего политической сознательности у крестьян. Для философов нет проблемы что такое «стихийность» и что такое антитеза «стихийности». Антитеза «стихийности» — «сознательность». Есть специальная литература. А у нас есть историки, которые говорят, что стихийность — это отсутствие организованности, а дальше рассуждение идет таким вот образом: на примере крестьянского движения XVII века уже наблюдают рост организованности крестьянского движения. Действительно, если вы сравните крестьян-

скую войну под руководством Разина с крестьянской войной под предводительством Болотникова, то рост организованности несомненен. И начинают говорить относительно того, что уже в XVII веке «стихийность крестьянских движений изживалась». А другие говорят, что она существовала до конца XIX века. И вот ведутся многолетние споры, которые свидетельствуют о том, что в данном случае проявляется просто, я прошу прощения за резкие слова, просто элементарная небрежность в теоретико-методологическом анализе. Можно привести примеры и более сложные, когда этот теоретико-методологический анализ не доводится до конца, когда он не принимает форму конкретно-теоретического итога, остается на абстрактно-теоретическом, гипотетическом уровне. А хорошо известно, что только конкретно-теоретическое знание, во-первых, может служить основой для практики, и, во-вторых, может служить основой для получения новых знаний. В этой связи позволю привести еще один пример с изучением движения декабристов, вернее, с оценкой программы общественных преобразований декабристов. У нас есть такая точка зрения, когда пытаются сущность общественных преобразований декабристов раскрыть исходя из подведения этих преобразований под «прусский» или «американский» путь буржуазной аграрной революции и говорят, что постольку, поскольку аграрный проект Пестеля был более радикальным, он, де, соответствовал «американскому» пути, а проект аграрных преобразований Муравьева был консервативным, он соответствовал «прусскому» пути. И выдают это за истину. Да, в качестве гипотезы это еще можно допустить, но надо еще доказать, что правомерно оценивать аграрные преобразования декабристов, подводя их под кампанию «пруссского» и «американского» пути. Надо еще доказать, действительно ли во времена декабристов проблемы «пруссского» и «американского» пути были реальностью в жизни, действительно ли эту реальность видели современники, действительно ли шла борьба за эти два пути? Ничего этого не делается. Итак, гипотеза выдается за истину. А дальше, как говорится, пошла писать губерния. Если был «американский» путь, значит, был путь демократический, значит есть линия связи декабристов с народом. И, в общем, находят. Оказывается, был и народ. Совершенно игнорируются фундаментальные исследования советских историков, в которых показано, что потребовалось 20—25 лет после декабристов для того, чтобы представители общественной мысли осознали основной просчет декабристов, осознали необходимость идти вместе с народом.

Такие примеры могут продолжаться. Все они снижают качество наших научных исследований. Но должен сказать, что историки нашего факультета таких просчетов не допускают. Но ведь с нас и спрос больше. С нас требуется не просто не допускать таких просчетов, а разработка теоретических и методологических проблем исторических исследований. Должен ведь кто-то из историков заниматься этим для того, чтобы другие не искали вслепую эти пути,

а на что-то опирались. А вот разработкой этих проблем мы занимаемся тоже плохо. У меня хватит пальцев одной руки, чтобы перечислить советских историков, которые специально занимаются разработкой теоретических и методологических проблем исторической науки. Все это целиком отдано на откуп философам. Одни из них пишут лучше, другие — хуже. Мы к этому относимся либо безразлично, либо вообще не знаем, что они пишут. Два года назад вышла книга Ракитова³, который много пишет по теоретико-методологическим проблемам исторической науки. Мы хотели опубликовать в журнале рецензию на эту книгу кого-нибудь из специалистов по отечественной истории — не нашли. Одни не читали, другие просто не знают, кто такой Ракитов, третьи читали, но писать не хотят.

Я думаю, что примерно такая ситуация и у нас на факультете. При Ученом совете гуманитарных факультетов есть секция методологических проблем общественных наук. Она издает сборники. М. Е. Найденов, я и еще кто-то из наших историков являемся членами этой секции. Надо сказать, что в этих сборниках историки пока еще ничего не опубликовали. Буквально вчера я получил от председателя этой секции профессора Рачкова такое письмо: секция приняла решение начать подготовку коллективного труда на тему: «Проблема закона в общественных науках»⁵. Предлагается разработать специфику законов в общественных науках, особенности их познания, минимум их действий и использования, связи с принципами наук, место в научных теориях, значение в практической деятельности и т. д. Работу намечено завершить к марта 1986 года. Предлагается принять участие в подготовке названного труда, вовлечь в работу тех сотрудников факультета и кафедр, которые занимаются данными проблемами. Я два дня хожу и думаю, кого привлечь? Если есть желающие, прошу прислать мне записку.

Как видите, проблема не в том, чтобы не допускать в своих трудах такого рода просчетов. От нас действительно требуется значительно больше. Мы должны, в конце концов, активно включаться в разработку теоретических и методологических проблем исторических исследований. В этой связи, я думаю, надо повысить роль наших методологических семинаров. Мы занимаемся этими проблемами, но применимо к тому, что мы изучаем. А ведь есть общие проблемы теории и методологии исторического познания. Их тоже надо разработать. Вот о чем идет речь, а не о том, что мы игнорируем эти проблемы вообще. Надо шире рассматривать общие философские проблемы научного познания, надо, наверное, устанавливать контакты с нашими «смежниками» — философами. Надо обсуждать и рецензировать их литературу. Надо подумать о том, чтобы кому-то из наших историков запланировать специально разработку таких проблем. Потому что если мы не будем их разрабатывать, от кого же этого ждать?

Мы должны думать и о перспективах. Важным путем повышения качества и эффективности исторических исследований являет-

ся, и в дальнейшем еще больше будет являться, применение в исторических исследованиях количественных методов вообще и количественных методов и ЭВМ в особенности. Вопрос сложный. Но сейчас весь ход развития науки и 20-летний опыт применения [этих методов и ЭВМ] подвел нас к такому рубежу, когда мы должны поставить эту проблему во всю ширь и дать на нее принципиальный ответ. И дело не в том, что этот опыт показал эффективность применения количественных методов, а дело в том, что современный ход развития науки и техники идет такими темпами, что очевидно, что через 15—20 лет, а может и быстрее, владение этими методами и обращение с компьютером будет таким же обычным делом, как сейчас для нас с вами работа с каталогами или пользование библиографическими справочниками.

У нас сейчас складывается такая ситуация, что через 5 лет школьники, которые будут поступать к нам на факультет, смогут оказаться более грамотными, чем мы. Речь не идет о том, чтобы вообще всех наших профессоров и доцентов «выварить в кotle математики» и заставить заниматься компьютерами. Но я думаю, что наша профессура должна ориентировать научную молодежь в тенденциях и перспективах развития науки. Везде всякое новое дело делала молодежь, и мы должны такую задачу поставить перед ней. Пока такой ориентации у нас нет. Отношение к этим методам самое разное по разным причинам, начиная с нейтрального, безразличного и кончая скептическим. Причин много: одни страшат трудности, другие не хотят расстаться с традициями, третьи неправильно понимают соотношение количественного и качественного анализа, рассматривают их почему-то как антитезу, когда это совершенно не так. В других областях исследователи не испытывают потребности в применении этих методов.

Но сколько этих причин не было бы — проблему надо решать. Решать, исходя из перспективы, из ориентации наших студентов, аспирантов, наших молодых исследователей. А сейчас у тех, кто должен к этому приобщаться, такого настрая нет. И виноваты в этом мы — ведущие ученые нашего факультета, потому что своим скепсисом не ориентируем молодежь. Можно привести много примеров. У нас проводится семинар по применению количественных методов в исторических исследованиях⁶. На этот семинар не гнашаются приходить крупные специалисты, доктора наук, специалисты-математики, выступают иностранцы, а наша молодежь в это время преспокойно покуривает между 4-м и 5-м этажом. И среди них я вижу молодежь, которая занимается источниками, во весь голос требующими применения количественных методов, ЭВМ.

Мы не создали должной атмосферы в этом отношении. Возьмем учебный процесс. У нас есть курсы количественных методов и основ математической статистики. Они введены добровольцами — кафедрами отечественной и новой и новейшей истории. Другим кафедрам не надо. Вот я и думаю: а, собственно, чем от-

личается научная проблематика, источники кафедры южных и западных славян от кафедры новой и новейшей истории. Почему на отделении истории партии в учебном плане этого не надо? Товарищи! Но ведь есть огромное количество историко-партийных источников, с которыми только и можно работать с применением этих методов. Почему так просто от этого отмахнулись? Почему нашим этнографам и другим специалистам этого не надо? Ответа на этот вопрос нет.

Я хочу сказать, что здесь нам надо принципиально определиться, создать соответствующую атмосферу. Сейчас пытаются решить эту проблему директивным путем: министр издал приказ, чтобы все слушатели ФПК в обязательном порядке прослушали 50-часовой курс. Мы с Бородкиным читаем такой курс. Ректорат поступил еще более решительно. Он издал приказ о том, что все сотрудники, идущие на ФПК, должны прослушать 100-часовой курс. Не знаю, нужны ли для всех такие решительные меры, но, я думаю, наша научная молодежь здесь должна участвовать.

Вот некоторые направления, на которые мы должны обратить внимание, для того, чтобы сейчас и в ближайшей перспективе повысить качество и эффективность исторических исследований. Во всех этих направлениях факультет может и должен играть ведущую роль и в целом ряде направлений играет ее. Но я бы выделил несколько направлений, где роль нашего факультета должна быть особой. Это прежде всего подготовка кадров, владеющих методами исторических исследований на уровне современных теоретико-методологических и конкретно-научных требований, включая все новейшие методы.

Второе направление — разработка общих теоретико-методологических проблем исторических исследований. Сейчас состояние в науке таково, что надо на минутку остановиться и подвести итоги. Надо определить, куда двигаться дальше. Историки нашего факультета — это как раз та сила, которая может эти итоги подвести. Итогово-постановочные историографические статьи бывают лишь тогда удачными, когда их пишут работники вузов. Итоги изучения путей и методов разработки наиболее актуальных проблем отечественной и всеобщей истории — это то, чем мы непременно должны заняться и где мы можем принести большую пользу для нашей науки.

Еще одно направление, где наш вклад может быть очень существенным, — это критика современной немарксистской историографии. Мы сейчас в этом отношении переживаем определенный кризис. Был период, когда у нас дело шло сравнительно неплохо. Это было тогда, когда там выходили работы, слабо учитывающие нашу литературу, не основанные на изучении конкретно-исторического материала. Тогда можно было с ними довольно легко polemизировать, противопоставляя им полтора десятка наших монографий. Сейчас ситуация изменилась. За рубежом появляется все больше и больше работ, основанных на широких источниках, на

прекрасном знании нашей литературы, на очень тонком обыгрывании всех наших противоречий, а у нас их более, чем достаточно. Такими методами критики, которые были эффективны раньше, сейчас работать нельзя. Нужна более солидная, фундаментальная критика, основанная на рассмотрении теоретико-методологических основ этих концепций. Ситуация такова, что к такой критике готовы больше вузовские, а не академические работники, хотим мы этого или не хотим. Мы читаем курсы, у нас более широкий взгляд на эти проблемы.

Если говорить о наших вузовских проблемах, хочу обратить ваше внимание вот на какую — подготовка новых типов учебников. Мы делаем большую работу, но в общем-то у нас достаточно традиционный тип учебника. Надо подумать о новом типе учебника. У меня нет готового ответа на вопрос о том, какой это должен быть учебник. Но в условиях, когда появилось много новой литературы, надо нечто другое, чем простое изложение полученных знаний. По крайней мере, с моей точки зрения, в учебнике должно быть показано, как получены эти знания, и что еще предстоит сделать в этой области. Это важная проблема, есть над чем подумать всем нам.

И последний момент, на который я хотел бы обратить внимание. Это научно-популярная литература по истории. У нас в стране сложилась, я бы сказал, безобразная ситуация с этим делом. С одной стороны, издается много научно-популярной литературы, но с другой — мало серьезной литературы такого рода. Все издательства исходят из одного чисто коммерческого принципа. Поэтому и получается, что в издательстве «Наука» несколькими изданиями издали 600-тысячным тиражом книгу «Иван Грозный»; 400-тысячным — книгу «Борис Годунов». Будто бы в русской и советской истории нет больше ничего, что заслуживало бы внимания. Получается так, что широкие сведения об историческом прошлом наш читатель черпает из художественной литературы. А художественная литература по истории, мягко говоря, очень часто не лучшим образом написана. У нее есть два главных недостатка: наши писатели не только злоупотребляют своим правом на художественный вымысел (пусть вымышляют персонажи), но они абсолютно игнорируют итоги науки в изучении прошлого. Можно дать вымышленный персонаж, но он должен соответствовать реалиям эпохи. Вопрос серьезный. Сейчас он становится очень широко.

Недавно в Академии наук создана специальная редакция научно-популярной литературы по истории. Сейчас собирается и комплектуется план. Они принимают заявки от всех историков. Желающих выступить в этом жанре прошу дать мне знать.

И в заключение я хотел бы сказать об улучшении условий научной работы в вузах. Мы выполняем большую научную работу, но в неравных условиях по отношению к сотрудникам академических учреждений — в плане финансирования, материально-технического обеспечения, в плане стимулирования этих работ, на-

учно-вспомогательного персонала. Все знают, что у нас проще получить вакансию профессора, чем лаборанта. Чтобы получить 200 листов бумаги, надо столько исходить и, наверное, столько же листов исписать. Получить обыкновенную пишущую машинку сложнее, чем японский перфоратор. Не буду продолжать в этом духе, все вы знаете, какая ситуация. Почему, спрашивается, мы должны перепечатывать не монографию, а учебник где-то у частных машинисток? Почему нет материального стимулирования? Если у нас нет фонда материального стимулирования, его надо добиться, если он есть, почему он не используется?

Возьмите проблемы международного сотрудничества. Пробить кого-нибудь из университетских сотрудников для участия в международной конференции, международном проекте — это же сущее «хождение по мукам», чаще всего кончающееся безрезультатно. Почему? И это в тех условиях, когда основную работу ведут ученые университетов или вузов. Я не буду продолжать, но, по-моему, настало время поставить эти проблемы всерьез.

Я думаю, что всем понятно, что условие успешного выполнения всех мер, о которых я говорил и не говорил (их много), конечно, зависит от нашей инициативы, от нашей организованности во всех сферах нашей работы. Мы иногда привыкли рассуждать, что что-то не сделал деканат, что-то не сделал ректорат, иногда позволяем себе покритиковать министерство. Кто-то, короче говоря, должен быть организованным более, чем мы. Товарищи! Давайте начнем с того, что посмотрим, как на каждом рабочем месте повысить организованность и дисциплину.

В заключение я, наверное, выражу ваше мнение, что коммунисты исторического факультета располагают большими возможностями и внесут свой вклад в дальнейшее развитие советской исторической науки в свете решений апрельского Пленума ЦК КПСС.

Чл.-корр. АН СССР, профессор
зав. кафедрой источниковедения истории СССР
исторического факультета МГУ И.Д. Ковальченко.

Машинописная копия расшифрованной стенограммы без подписи.

¹ Рукой И.Д. Ковальченко на первой странице проставлена дата «Июнь, 1985 г.». В публикуемый текст составителями внесена незначительная стилистическая правка.

² См.: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979; Массовые источники по социально-экономической истории советского общества / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979.

³ Ракитов А.И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982.

4 Членом секции методологических проблем общественных наук при Ученом совете гуманитарных наук был также профессор В.И. Злобин.

- ⁵ Имеется в виду сборник статей: «Проблема закона в общественных науках» / Под ред. П.А. Рачкова, В.С. Манешина (М.: Изд-во МГУ, 1989). В 1984 г. под редакцией этих ученых был опубликован сборник «Предмет и структура общественных наук».
- ⁶ В 1979 г. начал работу всесоюзный семинар «Количественные методы в исторических исследованиях», созданный Комиссией по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории АН СССР и историческим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова. Организатором и бессменным руководителем семинара был И.Д. Ковальченко. Традиции проведения семинара сохраняются до настоящего времени. По сути, семинар был и остается не только всероссийским, но и международным.